

384
1922

л. Всерос. Общества бывших политич. каторжан и ссыльно-поселенцев.

31241771
3124171933

КАТОРГА И ССЫЛКА

მ. მლინე

СБОРНИК I-Й.

Издание Тифл. Отдел. Всерос. Общ. бывших политич. каторжан и ссыльно-поселенцев
Тифлис, 1922 г.

46115734
0185170333

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тифлисское Отделение Общества бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев образовалось лишь 12-го февраля 1922 года.

В основу его деятельности положен устав Всероссийского Общества.

Общим собранием было дано поручение Оргбюро озаботиться к предстоящему пятилетнему юбилею революции изданием сборника.

Так как времени оставалось мало и собрать большой материал не представлялось возможным, то было принято решение ограничиться узкой темой—*как была воспринята революция в разных уголках каторги и ссылки*. Поэтому сборник посвящен первым дням февральской революции.

Ввиду того, что все еще продолжается регистрация товарищей бывших каторжан и ссыльно-поселенцев и их наличный состав не определен, не представилось возможным оповестить многих товарищей о предполагаемом издании сборника.

Другие, в силу перегруженности работой, не успели приготовить материал к первому номеру.

Это заставило ограничиться наличием поступивших материалов. Но этот пробный шаг издательской деятельности Тифлисского Отделения убеждает нас в том, что бывшие каторжане и ссыльно-поселенцы располагают богатым и ценным историко-революционным материалом, который должен быть во что бы то ни стало извлечен, тщательно обработан и передан истории.

В этом заключается одна из главнейших задач Общества.
Оргбюро.

887

137

1378

137.067

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

	Стр.
Предисловие	1
12 марта 1921 года	3—4
Тюрьма. <i>Б. Кронин</i>	5
Памяти прошлого. <i>В. Светлова</i>	6—8
5—8 марта 1917 г. <i>А. Водоласский</i>	9—14
Весть о свободе в каторжной тюрьме. <i>С. Киладзе</i>	15—23
Новая Заря. <i>А. Рухадзе</i>	24—30
„Мтаврбадзе скончался“. <i>Д. Карцивадзе</i>	31—33
Устав общества.	34—36

12 марта 1922 года.

Пять лет тому назад сбылась жгучая, страстная мечта всех поколений российских революционеров.

Пало самодержавие!

Сошел с исторической сцены международный жандарм!

И широкая волна нового, яркого творчества захлестнула вчерашних рабов. Бросила их в самую гущу открытой политической борьбы.

Эта волна захлестнула и нас—политических каторжан и ссыльно-поселенцев. Она разорвала наши цепи, открыла тюрьмы—дала нам свободу...

И рассеялась наша семья.

Она была тесная, стойкая, спаянная неразрывными, интимными узами, несмотря на различия в наших партийных взглядах, в прошлой революционной активности и степени сохранения революционного «огня» и «веры», в стенах каторги, в мертвых уголках ссылки.

Это была единая семья, ибо нас окружали заклятые враги, которые мучили и терзали тело, пытаясь убить душу. И лишь в этом единстве мы находили сердечную, искреннюю, моральную поддержку. Велика была эта взаимная товарищеская поддержка.

Крепка была спайка нашей политической семьи. Но революционный шквал 1917 года пронесся и рассеял нас по всем уголкам необъятной Руси.

И порвалась, казалось, навсегда, связь между нами...

Одни—уставшие, с надломленными силами и опустевшей душой—ушли от революции, замкнулись в узкий круг личных интересов.

Другие,—в начале бросившись в волны революционной стихии, в дальнейшем не смогли обнять новой фазы движения, не могли слиться с широкими слоями трудящихся в их повседневном революционном творчестве, оказались простыми зрителями революции.

Третьи—ни на минуту не складывали оружия. Различная оценка истинных путей по укреплению и углублению революционных завоеваний, вчерашних членов единой революционной, социалистической семьи, сегодня столкнула как непримиримых врагов.

Связь порвалась. Казалось время размыло и унесло навсегда нашу прошлую взаимную близость, наше взаимное родство.

Но так казалось.

Пережитое и перенесенное в каторге и ссылке кровавыми узами связало нас во едино и ничто не в силах стереть граний прошлого, смыть кровь и страдания, которые об'единяли нас многие, многие самые лучшие, юные наши годы.

Как бы ни были резки партийные разногласия, как бы ни опустошены были наши духовные силы, но прошлое невольно витает над всеми «лишенцами всех прав и преимуществ», протягивая невидимые нити, связывающие между собою политических противников. Эта связь прошлого невольно вскрывается при встрече старых товарищей по каторге и ссылке, сегодняшних партийных противников.

Что-то сглаживает резкости разногласий, что-то делает мягче во взаимоотношениях друг с другом, что-то заставляет понимать друг друга.

Это «что-то» и послужило канвой для об'единения во Всероссийском Обществе бывш. политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

Помимо вопросов моральной и материальной поддержки членов Общества, а также семей погибших товарищей, Общество должно извлечь и передать истории весь богатый материал, который хранят еще живые участники целой эпохи российского революционного движения, целой полосы страданий в царских казематах.

И чем скорее Общество это сделает, тем больше мы сможем сохранить ценного историко-революционного материала, так как одних уносит смерть, а у других время изглаживает из памяти все ими пережитое.

Тифлисское Отделение должно найти живой отклик в душах старых бойцов, рассеянных по Кавказу, и собрать ценнейший материал, который может погибнуть для истории.

ТЮРЬМА.

Бывают дни злобеще жуткой думы.

Когда минута тянется мучительно, длинна,

Когда взамен и говора и шума

Висит над камерой немая тишина.

В такие дни тоской душа обята,

Сильней гнетут решотки и замки,

И чудится, что нет уж нам возврата,

И дни свободы страшно далеки.

И жгут мой мозг проклятые сомнения,

Коншмар грядущего сильнее давит грудь,

И все смилось в едкий помышленный

Хоть миг бы мне забыться, отдохнуть

В. Кронин.

20/IX, 1907 г.

Часовая Башня

Московской Бутырской тюрьмы.

ПАМЯТИ ПРОШЛОГО.

В далекой Сибири, среди суровой тайги, близ Байкала, затерялся уездный городок Баргузин. С деревянными, старыми и покосившимися избами, с немощными улицами, он похож был на большую деревню.

С давних пор служил Баргузин местом ссылки политических, отбывших каторгу по тюрьмам Забайкалья. Видел он и декабристов, и сменивших их народовольцев. Нас, последних невольных его жителей, забросила сюда реакция, разыгравшаяся после революции 1905 года.

Отбывшие каторгу и «прикрепленные» к Баргузину под зоркий надзор местной полиции, прозябали мы тут, закинутые в чужой, неприветливый край, всеми, казалось, забытые.

***

Шел уж 1917 год. Там, за тысячи верст, в кровавом тумане уж третий год гремели раскаты мировой войны, в бешеном вихре сливались враждебные рати и смерть беззвучно смеялась, сгребая обильную жатву.

Уж третий год мы все ждали—когда же, когда прозреют слепые, пробудятся спящие и порой начинало казаться что—никогда...

И в редкие дни, когда почта приносила нам вести «оттуда», мы жадно вписались в каждую строчку, в каждую букву, но разочарованные снова погружались в серые будни.

Вот и март наступил, а зима, как будто издеваясь над нами—чаметала сугробы до крыш и плела ледяные узоры.

И вдруг, как яркий метеор среди темной ночи, блеснула весть о свободе!

Собрались все ссыльные вместе и лица у всех новые, неузнаваемые, и глаза другие, глядящие вдаль и видящие далекое.

Почти не говорили, подавленные мыслью о том огромном, что свершалось там далеко, в родной России.

Почти без слов решили, что прежде всего надо идти скорее на дорогие могилы павших борцов за свободу и передать им первый привет загоравшейся революции.

***

Глубокая ночь. Спит Баргузин, только семья ссыльных собралась в тесной избе за спешной работой, и к утру были готовы венки и знамена, а на них—золотые слова о заветном.

***

И при первых лучах восходящего солнца мы выступаем. Сначала нас немного, но постепенно к нам присоединяются горожа-

не, толпа растет, заполняет всю улицу.

Стройно звучат песни революции, весело развиваются красные знамена и только... венки говорят о печальном.

А мрачные тени—слуги паризма, еще вчера не спускавшие с нас зоркого взгляда, сегодня попрятались, как совы от яркого дня и не дерзают нарушить торжества шествия.

***

Вот и кладбище.

Обнесенные общей оградой, сооруженной заботливой рукой политических-ссыльных, возвышается ряд могил, под белоснежным покровом. Возле могил декабристов возвышаются новые—это те, кто совсем недавно ушел от нас, они выпли из каторги с надломленной душой, с искалеченным телом и тихо угасли накануне свободы.

Торжественно льются звуки похоронного марша, знамена склоняются и венки возлагаются на могилы...

... Прощайте же братья

Вы честно прошли

Свой доблестный путь благородный...

Замирают последние звуки гимна.

Опять на кладбище тишина и безмолвие. и только угрюмые, старые сосны, как вечные стражи, склонив свои ветви над могилами, тихо качают верхушками, пробужденные от забытья людскою волной, и удивленные говорят меж собою о непонятном.

***

С этого дня разом порвались и те слабые нити, которые связывали нас с окружающим. Безумно потянуло туда, в родную, неудержимо манящую даль, где рушилось старое и строилась новая жизнь.

***

Опять толпа, знамена, пение—Баргузин нас провожает. Процессия останавливается за чертой городка. Прощаемся с остающимися пока товарищами и с баргузинцами.

Из толпы выступает старец и от имени горожан говорит нам напутственную речь, желает счастья и успеха в нашей трудной работе.

***

Бойко бегут мохнатые сибирские лошадки, поскрипывают полозья кошевки. Выезжаем наконец из тайги на Байкал. Теперь он тихо спит под ледяным покровом, а еще недавно бурный и яростный раскидывал глыбы льда, которыми пыталась сковать его костлявая рука зимы. Кругом все давно оцепенело, а он один

не сдавался, боролся за волю, пока не подкараулили спящего, безоружного...

Торошим ямщика—нет терпенья.

***

Наконец в Иркутске.

Городской грохот больно отлаеется в ушах, привыкших к таежной тиши.

На улицах толпы освобожденных, стекающихся сюда из всех углов Восточной Сибири. Бледные, измученные, но оживленные и радостные. И глаза тоже у всех особенные—по ним среди уличной суетоли узнаешь «своих».

***

Один за другим мчатся на запад поезда, наполненные освобожденными. Вагоны разукрашены красными флагами и гирляндами.

День и ночь летит и наш поезд. Как во сне мелькают станции с толпами встречающего нас народа, гремит музыка, раздаются революционные песни.

Летит поезд, но с каждой верстой нарастает нетерпение скорее... скорее... в самую гущу великих событий!

Вот, наконец, промелькнул знаменитый столб с надписями—по одну сторону «Азия» по другую «Европа» и громовое ура приветствует Россию.

Сибирь остается позади в холодном тумане, с ее снегами и морозами, с ее опустелыми теперь тюрьмами, с разбитыми цепями, орошенными кровью замученных и с ее... безконечными могилами.

***

В Самаре мы, кавказцы прощаемся с едущими в Москву и направляемся на юг; спешим к родному Кавказу.

Скоро в розоватом тумане начинают выступать силуэты белоснежных кавказских вершин.

Все мы кидаемся к окнам вагона—ненасмотримся, и ликующей радости нет предела!

Как в волшебной сказке изумрудом полей заменились бесконечные снежные равнины и ярким потоком горячих лучей встречает нас южное солнышко.

На душе безмятежно и ясно и никакие мрачные предчувствия и сомнения не нарушают гармонии настоящего.

В праздничном уборе идет Весна Революции.

В. Светлов.

5—8 марта 1917 года.

— Здравствуйте кромольник—любезно приветствовал меня горный исправник, входя в квартиру.—Извиняюсь, что в такой поздний час. Я только что приехал, вижу у вас огонь, решил навестить, поговорить по делу.

— Пожалуйста присаживайтесь Николай Антонович—пригласил я исправника.

Чем могу быть полезен?

— Вы теперь начальство! Мне нужно с вами учинить расчет за отпущенные стражникам припасы.

Служа на присках Федоровского Золотопромышленного Общества в Северо-Енисейском горном округе в качестве бухгалтера, я, ввиду отезда управляющего из Округа, исполнял обязанности последнего.

— Ну эта работа завтрашняго дня. Скажите, Николай Антонович, что нового на белом свете—Вы ведь недавно из города. Что слышно с ответственным министерством? Как дела на фронте?

Н. А. Пржелясковский, разорившийся польский помещик, много лет работавший по землеустройству, в 1911 году получил назначение Горным Исправником в наш Округ, где решил преспокойно дослужить до пенсии.

Физически не переваривая жандармов, он где только возможно оказывал ссыльно-поселенцам свое покровительство, относясь к нам отечески.

Бывали случаи, когда он того или иного ссыльно-поселенца выручал или охранял от жандармской напасты.

В этом отношении нам в Округе жилось хорошо.

— Нового ничего. Война продолжается и конца ей не видно. Ответственного министерства вам не дожидаться. Думаю вам в тайге и без него хорошо. Сидите себе спокойно, заканчивайте срок ссылки, как я дослуживаю свою пенсию.

— Но общественное мнение не может примириться с существующим положением. Не будет ответственного министерства...

Необычайный для тайги ночной звонок телефона прервал нашу беседу.

Я взял трубку.

— Николай Николаевич, что скажете?—спросил я, узнав по голосу начальника почтового отделения.

Знаете... как вам передать? Знаете, в России что то произошло...

Почтальон не знает подробностей, но какие то события...

тайнственно взволнованным почти шопотом говорил начальник почты.

— Какие события? Говорите толком в чем дело?—нервничал я у телефона.

— Трудно сказать. Только там есть Комитет Государственной Думы и новое правительство.

— Кто в составе правительства?

— Почтальон всех не помнит, но назвал Мнлюкова, Шингарева, Керенского.

— Еще кто?

— Не помнит больше.

— Еще что есть?

— Еще образовался в Петрограде Совет рабочих депутатов. Это все...

Сердце застучало нервной дрожью.

В груди всколыхнулась масса неожиданных и давно неиспытанных ощущений. Мысли вихрем понеслись в голове, как снежная пыль, гонимая сибирским ураганом. Неужели цепи рабства пали? Неужели это давножеланная, трепетно ожидаемая революция? Неужели надежды и мечты осуществились? Неужели Россия свободна? Хотелось верить.

Комитет Государственной Думы—ничего не говорит ни уму, ни сердцу.

Милюков, Шингарев, Керенский—неужели это лишь ответственное министерство?

Но Совет Рабочих Депутатов!? Что то действительно произошло, и повидимому серьезное, иначе не могло быть места Совету Рабочих Депутатов.

Но, что именно? Какие формы приняло движение?

Ждать следующей почты три-четыре дня—можно с ума сойти.

— Что случилось? нервно спросил Исправник.

— Николай Антонович, свобода!

— Какая свобода? Что вы глупости городите?

— Свобода! В Петрограде Совет Рабочих Депутатов, Комитет Государственной Думы и Новое правительство...

Попросив начальника почтового отделения сообщить дополнительно после разборки почты, что будет еще нового, я передал Исправнику содержание телефонного разговора.

Старик глубоко задумался и через некоторое время спросил,—а что же с Николаем? Он сейчас на фронте...

Ответить на этот вопрос по имевшимся сведениям не представлялось возможным.

— Хорошо было бы, если б Николай отрекся от престола. Это

предохранило бы страну от излишнего кровопролития и многим развязало бы руки для работы Новому Обществу—снова проговорил старик.

Мы долго разговаривали, строили разные догадки, но уяснить сущность событий не могли.

В час ночи Начальник Почтового Отделения снова позвонил и сообщил, что в газетах совсем ничего нет о событиях. Почтальон 3-го марта выехал из города, где было также все спокойно. Переданные же новости он узнал на телеграфе, но это держалось еще в секрете.

На утро весть о событиях в России разнеслась по всем приискам Округа. Известие это произвело впечатление сильнейшего громового раската среди безоблачного дня.

Наш медвежий уголок, затерявшийся в глухой, девственной тайге, стал пробуждаться от общественной спячки, зашевелился.

Рабочие Елизаветинского прииска (главного центра в Округе) с красным знаменем вышли на площадь и робко, неуверенно прошли по прииску.

Неопределенность положения сказывалась во всем. В речах выступавших ораторов не было уверенности, не было ярких лозунгов, что не могло создать цельности настроения.

После короткой *демонстрации* рабочие и служащие приступили к работе.

Приходилось ждать дальнейших известий.

Следующий день 6-е марта прошел в томительном ожидании. Телефонные звонки заставляли всех нервно вскакивать.

Работа не шла на ум. Разговорам и догадкам не было конца. Но самые смелые гипотезы ни в малейшей мере не определяли действительности российских событий. Большинство склонно было предполагать, что мы имеем ответственное министерство.

В 11 час. вечера, сидя в обществе товарищей по ссылке, я был вызван к телефону. С Наркизовского (72 версты от нашего центра), звонил ко мне сынишка моего сослуживца и сообщил, что он едет нарочным и везет мне срочный пакет, с предписанием зимовщикам не задерживать его в пути, но на Наркизовском нет свободных лошадей.

Я попытался узнать у нарочного содержание пакета, но он положительно ничего не знал.

На вопрос—что происходит сейчас в Енисейске и имеется ли смена власти—он ответил, что, когда выезжал, в городе собирались митинги, Бахов (уездный исправник) на месте, а жандармский ротмистр Русиянов и начальник Енисейской почтово-теле-

графной конторы Барсука арестованы, но кем он не знает. Что же наконец происходит? Допустить, что Бахов арестовал Русиянова и Барсука было невероятно. Но если кто-то другой, если это сделала революционная власть, то совершенно непонятно, почему не арестован Бахов—этот усердный, не по разуму прислужник старого строя, в то время как арестован начальник почты?

Распорядившись по зимовьям, чтобы нарочный был доставлен на Елизаветинский без малейших задержек, мы снова пытались постичь тайну событий, комментируя на разные лады только что полученное известие из Енисейска.

Для нас стало теперь несомненным одно, что происшедшие в России события гораздо серьезней и глубже, чем нам казалось вчера.

Но как далеко зашло общественное движение, для нас оставалось тайной.

С неопределенным чувством, жаждущим разяснений, мы поздно ночью разошлись по квартирам.

В 6 часов утра прибыл нарочный. Выхватив из его рук пакет и вскрыв его, я увидел приветствие и поздравление со свободой моего сослуживца т. Лейдера, приветствие Енисейского Исполнительного Комитета с сообщением, что горюд в их руках, что жандармский ротмистр Русиянов, начальник почты Барсука и почтальон Васильев за шпионаж и перлюстрацию писем арестованы и препровождены в тюрьму, и предложением власти в Округе взять в свои руки.

Здесь же находилось несколько телеграмм.

Пробегая телеграммы, где то и дело мелькали выражения поддержки Временного Правительства, известия о переходе на сторону революции воинских частей, насчитывающих тысячи, десятки тысяч защитников ее, об отречении Николая и Михаила, я чувствовал биение собственного сердца, я дрожал как в сильнейшем приступе азиатской лихорадки, будущи ошеломленным цепью каскадом революционных событий.

Свершилось! Великий исток революции разлил оковы рабства. Его неудержимое течение снесло царский трон и устранило все препятствия, мешавшие развитию творчества народных сил. Наконец революция разрешит все больные проклятые вопросы. Душа переполнена лучшими надеждами, жадной завершить и укрепить завоевания революции.

Хотелось кричать от радости, хотелось разбудить все население Округа и поведать ему тайну событий.

Но присекспали Тайга попрежнему тягучая, монотонно шумела.

Утренний гудок в этот ден как-то особенно торжественно прозвучал, призывая всех к труду.

В окнах замелькали огоньки. Заскрипели по снегу шаги. Трудовой день начался.

Я не в силах был дальше ни одной минуты оставаться в одиночестве. Я обязан сейчас же поделиться полученной мною тайной.

Я побежал в мастерскую и предложил заведующему созвать всех рабочих. Последние не заставили себя долго ждать — мастерская быстро наполнилась и на меня посыпался град вопросов.

Сообщение о перевороте и об отрешении Николая было встречено необыкновенно дружным и невиданным единодушным, долго несмолкаемым ура.

После краткого изложения хода революционных событий, было принято решение, к вечеру созвать широкое рабочее собрание всего округа, на котором обсудить все необходимые мероприятия по сохранению должного порядка.

Над мастерской взвилось красное знамя. Телефон сообщил всему округу радостные вести революции. 7-го марта, в 6 часов вечера состоялось первое собрание рабочих и служащих округа.

У всех возбужденно-радостные лица. Приветливо-ласковые улыбки. Сознание серьезности переживаемого момента сквозит в каждом слове, в каждом движении.

Воистину праздник весны и возрождения!

Выступившие ораторы (ссылные поселенцы) в достаточной полноте дали оценку происходящего, разъяснили значение лозунгов разных политических партий, указали, что впереди предстоит упорная и длительная работа по укреплению завоеваний революции, что не лишена возможность серьезного удара контр-революции, поэтому необходимо сплочение всех сил страны. Для закрепления завоеваний революции необходим срочный созыв Учредительного Собрания. Но для рабочих это лишь этап в его дальнейшей классовой борьбе за торжество социализма.

В результате обсуждения общих вопросов было принято решение, послать приветствие Комитету Государственной Думы и Совету Рабочих Депутатов.

Телеграмма Комитету Государственной Думы выражала чувства полной солидарности действиям Государственной Думы, оказавшейся в столь критический момент политического без-

временья на высоте государственного понимания текущих задач и обещала толную поддержку Временному Правительству *при условии осуществления:*

а) Созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

б) Полной амнистии всем осужденным, а государственные, террористические, воинские и религиозные преступления.

в) Осуществление всех политических свобод, а также проведения в жизнь демократических реформ.

г) Осуществление социально-экономических реформ, направленных к улучшению рабочих и крестьян.

д) Полноправие всех национальностей родины.

В телеграмме Совету Рабочих Депутатов было выражено единодушное приветствие, как единой революционной организации, остановившей отчизну на краю пропасти, куда привело ее преступное самодержавное правительство, и полная солидарность с лозунгами Совета Рабочих Депутатов, а также готовности защищать их активными выступлениями в борьбе за демократическую республику и торжество социализма.

Резолюции приняты под гром дружных несмолкаемых аплодисментов.

Собрание продолжалось и следующий день, занятое вопросами практических мероприятий, диктуемых требованиями революции.

Был выбран Исполнительный Комитет Общественной безопасности в составе 7-ми человек (куда вошли исключительно политические ссыльные) которому дан наказ принять от администрации округа все дела, архивы, кассу и оружие, а также реорганизовать горную стражу.

Начальником милиции был назначен б. горный исправник Н. А. Пржелясковский, которому общее собрание рабочих выразило свое доверие.

С переходом власти к Исполнительному Комитету порядок в округе не нарушался.

Мероприятия новой власти встречали полное одобрение и поддержку местного населения.

А. Водоласский.

Весть о свободе в каторжной тюрьме.

«Освободить всех политических заключенных и лично каждому от меня передать привет».

Министр юстиции *Керенский*.

Давно это было. Может быть, пять лет, а, может быть, несколько столетий тому назад...

Глухо, как в могильном склепе, в ярославской каторжной тюрьме.

Толстая высокая ограда с тревожными сигналами, и люди с каменными сердцами, свято охраняют «фабрику страданий» Николая II-го...

Ни одной живой весты, ни одного шороха не доносится извне! Со стороны это представляется пустым, необитаемым зданием, но, увы, в нем томятся более полуторы тысячи человек.

Да, ни одного звука с воли, которой многие не видали десятилетиями, но и «фабрика страданий» отвечает взаимностью: ни один стон, ни одна весточка о сумасводящих мучениях не перелетает через тюремную ограду...

Кто не слышал об истязаниях политических заключенных в Нерчинске, Орле, Вологде, Шлиссельбурге и в других местах: о режимах в последних и т. д., но перед тем, что творилось в Ярославле, бледнеет все. Не даром у нас начальником каторжной тюрьмы состоял бывший начальник сысского отделения, и не даром из других центральных каторжных тюрем к нам присылали непокорных товарищей — «на исправление».

Казалось, что все измышления и ухищрения, какие только практиковались во всех каторжных тюрьмах России для «изведения» заключенных, были сконцентрированы в Ярославле. В каторжной тюрьме этого города царили такие порядки, что самые смелые и боевые товарищи ходили, как говорится, по струнке, как только попадали к нам. Нужно заметить, что кат. тюрьма Ярославля состояла из трех зданий: общий корпус, так называемый «дворянский», и одиночный. В последнем сидело около пяти сот человек, и здание это совершенно изолировано было от остальных помещений. Узники этого отделения в своем большинстве славились репутацией «неисправимых» и к ним применяли такие меры, при воспоминании которых сжимается сердце, а по телу пробегают мурашки.

Я не буду перечислять обыкновенные приемы наказаний в каторжных тюрьмах, как, например, «карцер», отбирание полу-

чаемых писем сразу же по их прочтении, лишение свиданий и передач, лишение переписки, отбирание книг вплоть до библий и т. д., а скажу только, что очень редко проходили такие месяцы, чтобы кто-либо из товарищей не сходил с ума, не вешался на двери своей одиночки и не бросался бы с третьей этажки вниз: когда его на 15 минут выпускали на прогулку; но еще реже бывали дни, когда бы кого-нибудь из заключенных не подвергали телесным наказаниям.

Хотя телесных наказаний,

В законах пишут, больше нет,

Но от побоев и терзаний

Ушло не мало на тот свет!...»

Поется в одной тюремной песне и, действительно, под розгами часто умирали, ибо, во-первых, вместо «полагаемых» 25 или 50 ударов, били до сотни и более, а, во-вторых, наказуемого не свидетельствовали у врача, который, кетати сказать, считал себя не доктором, не другом и даже не нейтральным человеком по отношению к узникам, а «старшим чиновником» и на этом основании не считался с болезнями заключенных, и смерть под розгами признавал «естественной». Это был врач Суцов....

— Что же ты все время сидишь? Ты бы немножко походил—отворив «волчок», советует надзиратель.

Через несколько минут вновь слышится его голос:

— Посидел бы немного, что все время ходишь, да ходишь!...

— Что вы хотите от меня? Оставьте меня в покое!...

— А-а-а, оставит в покое? Хо-о-орошо!...

Через полчаса уже сидишь в темном и холодном карцере—за «грубый ответ»!...

— Не звякает кандалами. Ухо режет и действует на мои нервы—замечает «отделенный», выпуская на прогулку.

— Звон цепей тревожит ваш слух, у меня же от кандалов болят ноги... Снимайте их с меня и не будут звякать...!

— Ого-о! Ты мне дерзости говоришь? ладно—угрожающе произносит тюремный страж и снова месячное валянье на голом асфальтовом полу карцера...

— Ничего, ничего... теперь мы не станем бить вас кулаками, но сделаем так, чтобы в течение 2—3-х лет все передохли, как мухи—совершенно открыто заявил нам инспектор каторги, когда с большим трудом посланное мин. юстиции Щегловитову заявление об уголовных преступлениях и незаконных поступках тюремной администрации вернулось обратно к инспектору каторги.

И действительно, помимо того, что заключенные сходили с ума и кончали самоубийствами, ежегодно умирало от... ста до...:

200 человек! Как будто неправдоподобная цифра, а между тем — факт. Но особенно удивляться не приходится: большие товарищи только за три дня до смерти попадали в околоток, а большинство умирало в своих камерах и одиночках, лишённые медицинской помощи и ухода. За очень редкими исключениями, все заключённые жили на тюремной пище. А какова была эта пища, можно себе представить, если мы скажем, что из выдаваемых в то время (1916 г.) 29 коп., двадцать «брал» себе начальник каторги (как это выяснилось после освобождения), а от 9 коп. ухитрялись урвать помощник начальника, надзиратели и уголовные арестанты на кухне. И понятно, что нас кормили таким месивом и бурдой, какими добрые люди и свиней не кормят...

Никогда не забудется один факт.

Однажды, возмущённые и выпешдые из терпения заключённые, взбунтовались и потребовали доктора для определения негодности пищи. В этот день варился «суп» из гнилой, вонючей воibly. От одного запаха начинало тошнить, а об еде нечего и говорить, ибо в налитых мисках густо плавали сваренные черви...

— Ну, пустяки!... что из того, что обед с червями? Они безвредны! — успокоил доктор и ушел...

Помимо всего этого, что увеличивало смертные случаи, существовала еще «10-я одиночка» или «верная смерть». Попавших туда умерщвляли под тем или иным предлогом. К этой одиночке свободно можно было применить слова:

«Входящий сюда — оставь надежду навсегда».

Как уже было сказано, в каторжной тюрьме Ярославля царил такой жестокий режим, что заключённые, за единичными исключениями, не смели поднять своего голоса. Но, как известно, все имеет свой конец, а потому сперва заключённые «одиночного корпуса», а затем и общих камер... взбунтовались!!!

Всже мой, что было! чуть ли не целый полк пригнали!

— Как, у нас бунт, да протесты??!! — удивленно спрашивала себя администрация.

Все товарищи ждали самых тяжких наказаний и... отделались семи-дневным карцером! Мы тоже дивились диву и не верили такому «гуманному» наказанию!

Как ночь, выйдя из светлой комнаты, кажется темнее, так и наша жизнь после этого «бунта» стала еще тяжелее и темнее. Каждый наш заглушенный стон, каждый крик, наболевшей и пострадавшей души не находил отклика и замирал в четырех стенах наших каменных гробов.

Часто, очень часто даже у самых крепких натур не

137.067

кватола сил, изменяла вера и надежда, и мелькала мысль:

«А не лучше ль покончить с собою? Разве можно жить только прошедшим, без настоящего и будущего?... Ах, кабы только пять или десять лет! Кто при этих условиях может выжить 15—20 лет? А как живут, на что надеются «вечники»?... С ума можно сойти!...»

***

Ночь. Шумит и завывает ветер. То свистит он, то визжит, как бездомный щенок, то, как ребенок, плачет, ударяясь о толстые решетки окна маленькой, темной канурки. На дворе бушует вьюга и снежной пылью засыпает и так оледеневшее окно мрачной одиночки.

И кажется, что этой вьюге, этой черной ночи не будет конца, что они навсегда похоронили все живое и светлое, все желанное...

Безнадежно тоскливо на душе у сидящего в одиночке № 108. Он как-то застыл, как будто перестал дышать, чувствовать, понимать. Но где-то далеко-далеко в памяти воскресают воспоминания. Постепенно они проясняются, становятся яркими, он видит их воочию...

«Безбрежное черное море... Голубые небеса... Город как будто вымер: все закрыто и заколочено. Но на улицах—необычайное оживление... Горделиво реют в воздухе красные знамена, окрашенные кровью рабочих... Вот на балконах высоких домов с корзинами, наполненными «яблочками» Арсена Джорджиашвили, виднеются смелые товарищи...

Вооруженные рабочие, не обращая внимания на винтовочную трескотню полицейских частей, выкатывают из дворов бочки, тащат ящики, доски, обрезают телеграфные провода: баррикады строят и готовятся в бой... А вот и тюрьма, как будто нарочно построенная в двух шагах от Александровского сада, откуда доносятся тоску навевающие звуки музыки, манящий на волю смех и говор «свободных» людей...

— От Батума до Новороссийска—прямое сообщение. Не беспокойтесь мадам, ваш сын еще четыре тысячи верст поедет по сухопутью—издевательски утешает один из конвоев мать, с которой не дают проститься... Вот вздрогнул пароход своим громадным туловищем и, красиво разрезая тихую гладь моря, отошел от берега. Сквозными руками он разбивает круглое окошко душевного трюма, машет платком, впиивается взором на пристань, но, вместо ответа, видит потерявшую чувство мать... Сердце как будто хочет разорваться, а от страшной ненависти и гнева сжимаются

кулаки, и по щекам текут крупные, горячие слезы... Помнит он, как»...

— Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!—перебивает нить его воспоминаний сосед верхней одиночки—бессрочный.— Не знаете ли вы, товарищ,—спрашивает он—куда и зачем это вызывают и группами уводят по 10—15 человек?

— Не знаю—отвечает он выстукиванием в стенку, но вдруг происходит что-то невероятное, никогда не забываемое.

Тюремные своды, царство вечной тени, оглашаются громкими, несмолкаемыми криками:

«Свобода!!.. Товарищи!!.. Свобода! Свобода!!..»

— С ума сошли, бедные!—думает он—но все так сразу?—спрашивает себя и не может дать ответа.

Вдруг, как налетевший ураган, кто-то срывает «волчок» его двери и сумасшедшими голосами и с блистающими глазами ему кричат товарищи:

«Революция!.. Николая нет!.. Свобода!.. Да здравствует Народ!.. Да здравствует Воля!.. Идем!..»

Он не понимает. Он не верит. Его трясет, точно в лихорадке. Тысячи мыслей мелькают в его голове, но ни одну из них он не в силах поймать...

Вдруг сам «старший» отворяет заржавелую дверь его одиночки и, обращаясь к нему, произносит:

— Господин Киладзе, Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов просит вас пожаловать в контору... Поздравляю: политических освобождают...

Он не верит своим ушам, но видит, как мертвенно-бледны, как дрожат его мучители... Он видит, как второпях «расковывают» товарищей, и как разбитые кандалы пачками валяются в коридоре...

Позабыв о верных друзьях—книгах, об узелках, о шапке, со стучащим сердцем он летит в контору тюрьмы...

— «По предписанию министра юстиции гражданина Керенского свободны в силу амнистии»—объявляют ему и вручают мандат о неприкосновенности личности...

Потом... Потом свершилось заветное, долгожданное желание: широко распахнулись тяжелые железные ворота каторжной тюрьмы...

Была ночь. Снежные пушинки падали на лицо, руки, холодный ветер развеивал полы арестантского халата, а ему казалось, что светит яркое-яркое солнышко юга, что приятный ветерочек ласкает его, долгожданного гостя, что чья-то невидимая рука осыпает его нежными цветами, а крики восторга и поздравления

собравшейся у ворот тюрьмы тысячной толпы поднимают его и уносят высоко-высоко...

Незнакомые, чуждые, но в тот момент бесконечно близкие и родные люди обнимают его, целуют, и на перебой тащат к себе, вырывают тюремное имущество: чайник и котомочки, и он вместе с вещами переходит из одних рук в другие...

— Вот шарф. Обвяжите шею, а то простудитесь, итти далеко—говорит кто-то из толпы приятным, задушевным голосом, и чудится, что этот голос такой знакомый, как будто давно-давно он знает его...

— У вас озябнут руки. Пожалуйста, возьмите мои перчатки. Мне совсем, совсем не холодно!—умоляюще убеждает какая-то милая головушка...

— Если это сон, дай бог, чтобы я никогда не проснулся, а если все это происходит на яву... сейчас же нужно искать убежища, чтобы нас не переловили и снова не вернули на свои места—с тревогой в голосе произнес один из товарищей, когда мы (два анархиста, 3 эс-эра и 2 соц.-демокр.), по привычке, ровно в пять часов утра вскочили с постели и, вместо решетчатых окон каторжной тюрьмы, увидали белоснежные занавесы на широких и светлых окнах квартиры тов. М. Гуревича, которому мы «достались» и который вместе со своей женой окружил нас невыразимой заботливостью, и вниманием...

— Что ты, что ты!... Это не революция 1905 года. Баста, девятый вал ударил и снес устои самодержавия—уверенным тоном произносит мой друг, анархист Иван Мякота.

— Нет, нет, я зубами перегрызу себе вены, но живой в тюрьму не вернусь!—с искривленной физиономией заявляет тов. Черный.

Стараемся успокоить друг друга, но каждый из нас думает про себя: «А вдруг»...

Из тюрьмы вышел больной и только благодаря напряжению нервов, несколько дней держался на ногах. Сильные переживания в одно и то же время влили много бодрости и энергии, но и ослабили и так пошатнувшееся здоровье.

Я лежку в казанском лазарете для военно-раненых, но чувствую себя хорошо, ибо купаюсь в лучах радости и свободы.

Из Демидовского лицея приходят будущие юристы (Ласкиншвили и Узнадзе), которые рассказывают о только-что обнаруженном провокаторе Гимельброеком, на имя которого я посылал письма о жизни каторги. Все они попали в охранку. Теперь ясно, почему «без объявления причины» целые месяцы я высидивал в карцере... Товарищи рассказывают о смерти и похоронах осво-

божденнаго матроса-потемкинца тов. Катаносова, но я не верю в смерть... Я вижу, как доктора, выстукивая мою грудь, делают серьезную мину и «секретно» качают головами, но это мало меня трогает, и мое внимание привлекает совсем другое.

В палату входит высокий, здоровый, но поседевший и полысевший в тюрьмах тов. Роман—один из главных участников и руководителей Сочинского восстания 1905—1906 гг. С ним произошла большая перемена. Он, такой серьезный и положительный, сделается, как ребенок... Купил и надел на себя через плечо широчайшую красную ленту, а маленькими бантиками украсил свою богатырскую грудь...

— Что прикажете, господин генерал?—отдавая честь, вытягивается перед ним один из товарищей. Все начинают хохотать, подтрунивая над т. Романом, но он и не думает обижаться, и сам присоединяется к смеху товарищей...

Утро. Солнечные лучи заливают мою койку и всю палату. На стенах и потолке играют зайчики. На душе у меня безконечно радостно: товарищи приносят все новые и новые вести.

Вот последняя телеграмма, сообщающая о состоявшемся громадном митинге в Тифлисе и образовании новой власти!..

Тов. М. Гуревич, приютивший нас в день освобождения, доставил письмо из Москвы от «тетки»—медички Катя Мокроусовой, которая была связывающим звеном между некоторыми политическими каторжанами и красным крестом.

«От души поздравляю вас, дорогой мой «племянничек»!.. Поправляйтесь поскорее и не уезжайте не познакомившись с «теткой», которую революция спасла от участи быть арестованной»...

— Милая, славная душа!—произношу вслух и стараюсь угадать, какова она есть, но вдруг с улицы послышалась музыка... Умолкла...

«Смело, товарищи, в ногу!...»

Затягивает приятным баритоном молодой рабочий, и перед моими глазами колонна за колонной проходят войска с вооруженными рабочими, с красными знаменами...

Я трепещу от невыразимого счастья, хочу встать, крикнуть, как и прежде:

«Да здравствует Революция! Да здравствует Народ!»

Но чья-то заботливая рука укладывает меня обратно...

Да давно это было. Может быть, пять лет, в 1917 году, а может быть, пять веков тому назад!...

Но все равно, проживи я хоть до лет Маусайла, воспоминание об этом дне не изгладится не только в моей душе, но и в

памяти всех тех товарищей, которые рассыпались по всей революционной России, и которых, где бы они не находились, я поздравляю с днем пятой годовщины февральской революции, а вместе с тем—днем нашего нового рождения!..

Я знаю, что многих уже нет среди нас, но оставшиеся, где бы они ни находились, вспомнят и переживают сегодняшний день, как один из лучших и светлейших дней своей жизни...

И я, товарищи, «лишенные всех прав и преимуществ», вместе с вами переживаю этот день особенно сильно, особенно ярко...

И если б вы спросили меня, когда б я хотел умереть—я бы сказал: в 1917 году, в день нашего освобождения!..

Если вы спросите меня, чего я жажду, чего хочу—то я скажу: хочу дождаться того дня, когда эс-эры не будут ловить большевиков, коммунисты—сажать эс-эров и меньшевиков, и наоборот!...

Хочу дождаться того дня, когда одни не будут плакать, а другие—смеяться!...

Хочу, чтоб в рабочей среде всех наций исчез яд национализма и шовинизма, и чтоб воцарился дух действительного интернационализма!...

Хочу, чтоб исчез раскол среди трудящихся масс, чтоб перекинулся мост через образовавшуюся пропасть!...

Во имя долголетних страданий борцов за счастье народа, во имя сотни тысяч повешенных и расстрелянных поборников свободы, во имя действительной солидарности рабочего класса, ради победы Труда над Капиталом—хочу единую семью рабочего класса, единого, несокрушимого рабочего Интернационала!...

— Это—наивность, это—сантиментальность, это—мечта!—быть может, скажете вы.

— Быть может, «да»—ответу я, но в нашей суровой жизни трудно, очень трудно жить без надежды, без мечты!...

Товарищи по каторге, ссылке! Скажите, кто из вас сохранил прежнюю кипучую деятельность, желание работать до самозабвения? Кто получает полное удовлетворение в своей работе, и кто из вас нетронутым сохранил свою прежнюю веру в людей, дело?...

Не знаю как вы, но у меня, как на каторге, так и на воле мелькала и мелькает мысль: «Стоит ли жить? Стоило ли совершать революцию, отдавать свою молодую, полную сил и энергии жизнь для того, чтобы снова испить горькую чашу, чтобы вновь получать рану за раной?»

И несмотря ни на что, я все же отвечаю:

«Да! и тысячу раз да!...»

Пусть многие изменят тем заветам, за которые бо-
ролись, пусть теперь демократия раз'единена и разобщена,
пусть скопляются черные тучи мировой реакции—все равно, я
убежден, что возврата к прошлому быть не может! Пусть даже во-
царится мрак—все равно, то будет не надолго: мы его рассеем и
победим!...

И с этой победой, дорогие товарищи, победой над мировым
мраком, ложью, насиллием и угнетением я бы хотел поздравить вас
в будущую—шестую годовщину февральской революции!..

Слава павшим в борьбе за свободу!

Честь и хвала не изменившим и не отошедшим от Револю-
ции и от трудового народа!...

Рабочий С. Кмидзе.

НОВАЯ ЗАРЯ.

(Воспоминания).

Холодная, суровая Сибирь...

Тяжело на душе!...

Вдали от родных мест, от друзей, от дорогих существ...

Жутко...

И эти жуткие минуты усугубляются еще тем, что более недели никаких вестей не получаем из России...

В сибирских газетах отсутствуют телеграммы из Москвы, Петрограда...

Ходят разные слухи о репрессиях над левыми депутатами думы...

Получили как-то известие, что Керенского привлекают по 102 статье.

— Что будет дальше? Чем все это кончится?...

Гром должен грянуть...

Народное негодование должно смыть с лица земли всех тех, которые ввергли народ в ад мучения...

Но... мы все же не ждали наступления этого момента так скоро...

1917 год в Канске начался всевозможными репрессиями против политических ссыльных.

Обыски, аресты, высылки, безобразия, чинимые администрацией Енисейской губернии, начиная от Баховых *) и кончая Гололобовыми **), не имели границ.

Как осенние мухи перед смертью, слишком больно кусалась администрация, очевидно, чувствуя последние дни своего существования.

2 марта...

Маленький уездный городок Сибири пока еще ничего не знает о великих событиях в России.

Еще вечером исправник Башмачников обыскал кое-кого из товарищей и пригрозил арестом и высылкой.

Полиция усиленно проверяет политических, ищет—нет ли у них нелегалщины или не приехал ли кто-нибудь нелегально.

Днем был у тов. Д., завели мы длинный разговор о русской революции, о том, что она должна вспыхнуть, что условия для

*) Енисейский исправник.

***) Губернатор Енисейской губ.

этого подготавливаются самим правительством и т. д. Но кто из нас мог подумать, что она уже развертывается в России!...

Вечером зашли ко мне товарищи по ссылке Иoffee и Галай и все вместе отправились к тов. Кантору,—поговорить и душу отвести.

И там то же самое—разговоры о грядущей революции, о народном гневе...

— Еще полгода и Россия наверно будет освобождена,—сказал кто-то из присутствующих, кажется, тов. Кантор.

— Да, пожалуй, раньше нельзя будет ждать этих событий...

С тяжелыми мыслями возвращаюсь домой...

— Неужели еще полгода, а может быть и больше, будут продолжаться все те безобразия, которые чинятся царскими приспешниками на Руси?...

Неужели зловоние разлагающегося трона еще несколько месяцев будет душить народ?

Нет... Скоро, скоро взойдет заря...

— Петухи уж поют на Святой Руси,—повторяю слова писателя и этим утешаю себя.

Вдруг ночью под сильным стуком просыпаюсь...

— Пришли,—промелькнуло в голове.

Быстро зажег свечу и первым делом окинул взглядом стол,—нет ли там у меня чего-нибудь подозрительного?...

Но... вместо полиции, оказался почтальон.

— Вам телеграмма!...

Быстро разрываю телеграмму и читаю:

— Поздравляю с освобождением.

Пишет из России невеста...

Долго не могу понять,—не сон ли это, не впечатление ли недавних разговоров?...

Нет... Черным карандашом написанные буквы ясно вырисовываются на белой бумаге...

— Пустяки!—думаю... Очевидно, речь идет об обычных разговорах в либеральных слоях общества об амнистии политических, о всеобщем примирении и т. д. Наверно, опять пошли обычные разговоры на эти избитые темы и об этом спешат мне сообщить.

Не обращая особого внимания на эту телеграмму, я снова засыпаю крепким сном.

Через 2 часа опять стучат.

— Вам телеграмма...

И что читаю?...

— Поздравляю с временным революционным правитель-

ством. Царизм пал.

Сообщает товарищ...

Я уже теряю голову. Ничего не мыслю, все спуталось в голове...

Бужу хозяйку, даю ей обе телеграммы и прошу прочесть мне в слух,—себе уж не верю.

Моя старая хозяйка надевает свои очки и передает мне содержание телеграм с перекосившимся от испуга лицом.

— А если исправник узнает об этих телеграммах? Как можно такие телеграммы посылать? За это могут арестовать и меня, так как вы у меня живете... Боже мой, какая неосторожность!...

Я успокаиваю ее и спешу на телеграф выяснять в чем дело.

К счастью я застаю там знакомого телеграфиста.

— Будьте так добры объяснить, что значат эти телеграммы?—весь взволнованный передаю ему обе телеграммы.

— Тише, ради Бога. Мне запрещено подобные телеграммы выпускать отсюда, но для вас допустил исключение... Только не говорите никому, дайте об этом слово, и я передам вам еще много интересных сведений.

— В России вспыхнула революция. Страной управляет временное правительство. Керенский назначен министром юстиции. Мы получили распоряжение с одной стороны от ген.-губернатора Пильца, а с другой стороны от губернатора Гололобова ни слова об этом никому не передавать и хранить все это пока в тайне.

Я заполучил копии некоторых телеграмм и, ошеломленный полученными сведениями, несмотря на данное слово, пошел звонить о случившемся по всему Банеку.

Не верят...

Приходится убеждать наших ссыльных, что это факт, вот документы... Но не так легко было верить столь головокружительным сведениям.

3-е марта.

Администрация все еще в большом секрете держит Петроградские телеграммы.

Получено распоряжение от Гололобова не допускать никаких сборищ и в случае неподчинения, пустить в ход оружие.

Вечером, 3-го марта, мы нелегально собираемся у тов. Кантора, в порядке дня: информация о ходе российской революции и о нашей тактике.

Последние данные, полученные нелегально, уже без всяких сомнений доказывают о победе петроградских рабочих.

Мы решаем 4-го марта устроить митинг в центре города.

С.-д. организация решила ночью отпечатать и распростра-

нить листки среди войск и населения с призывом примкнуть к революционерам.

В числе других товарищей и мне было поручено найти способ для отпечатания прокламаций (машину, гектограф и т. д.).

Я повел переговоры с наборщиками единственной в Канске типографии, которые с радостью согласились нелегально набрать и отпечатать листки.

На другой день по всему Канску были распространены прокламации, которые с большою поспешностью подбирались и срывались администрацией, еще не верившей в революцию.

Митинг состоялся...

Собрался весь Канск.

Исправник предупреждает:

— Разойдитесь, иначе я должен буду применить оружие против вас.

Мы на это обращаем нуль внимания.

Скоро к нам с развернутыми красными знаменами присоединяется местный гарнизон, который дает клятву защищать революцию до последней капли крови.

Товарищам не стоило много труда убедить их перейти на нашу сторону.

Митинг потребовал от администрации сдаться добровольно народной власти и немедленно опубликовать все те сообщения, которые у нее имеются относительно революции. Исправник срочно связывается по телефону с губернатором Гололобовым.

— Что делать дальше?

— Делать нечего.

— Сдайте власть Городск. Самоуправлению. Не стоит больше скрывать революцию—был лаконический ответ губернатора, уже примирившегося с потерей власти.

На митинге решено было реорганизовать Городское Самоуправление. Не имея никаких инструкций как организовать новую власть, мы ввели туда просто представителей революционных организаций и служащих и рабочих г. Канска.

Здесь не обошлось без характерного для того времени курьеза.

На первом же заседании обновленной городской думы гласные старой думы, кажется в лице некоего Фомина, выдвинули вопрос:

— На каком основании допущены в думу представители нелегальных революционных партий...

Мы не считаем нужным доказывать нашу правомерность. Это право нам уже дала революция.

Но психология старых цензовиков никак не могла с этим примириться.

Исправник Башмачников, очутившийся среди членов обновленной думы как представитель полиции, вдруг начинает с жаром защищать:

— Ведь революция—результат борьбы политических. И если кто имеет право участия в решении город. дел, то это в первую очередь политические партии.

Но скоро нашему «защитнику» пришлось вместе с другими цензовиками оставить думу.

Мы вскоре организовали исполнительный комитет обществ. организаций и всю власть на месте взяли на себя.

10 дней после революции я оставался в Сибири...

Какая лихорадочная работа велась везде...

Какой восторг, какой энтузиазм царил среди политических?..

Мы захлебывались от счастья... Работали все 24 часа в сутки, но усталости не чувствовали...

Решили не двигаться с места до тех пор, пока революционная власть не будет упрочена на местах.

И лишь спустя десять дней, мы отпустили первую партию в Россию, оставив на месте кадр надежных товарищей, для продолжения начатой работы...

Мы стремились в Россию... Всем нам хотелось окунуться целиком в революцию... Принять самое близкое и непосредственное участие в революционных действиях.

Помню с какой грустью с нами расставались сибиряки!...

Тяжело было и нам расставаться с нашей второй Родиной, но с другой стороны непобедимая сила влекла нас туда, где свершались великия события...

Вот характерный экспромт, продекламированный одной сибирячкой при проводе политических:

«Пора! Давно уже пора!

К чему тайной тоски муки?

К чему безнадежность во взоре!

Ведь ярко—ярко блестит заря новой жизни, играют дивные отблески ее на угрюмых лицах и сквозь печаль виднеется большая глубокая радость.

Пусть все ликует, веселится и поет дивные гимны свободе, равенству, братству!

Чудно—красив этот миг, для чего-же его омрачать слезами и мукой?!

С востока на запад, с юга на север слышится радостный клич: «Товарищ, свобода!»

А с холодного севера тянутся вагоны увенчанные цветами, провожаемые криками восторга,—это едут наши герои, вынесшие на своих плечах тяжесть ига и добившиеся желанной победы! О, это гордые славные герои! Это доблестные воины! Честь вам и слава могуче!!

В моем сердце тоска и мука, себялюбивое маленькое «я» сидящее, где-то глубоко—глубоко под сознанием коварно шепчет: «они едут, ты ж остаешься, ты их больше не увидишь и о тебе они вовсе не вспомнят, тебе будет тоскливо и больно, и они будут петь песнь победителей громкую, свободную».

Но, прочь печальные звуки! Они не у места! Они много терпели, много страдали и много радуются. Им пора!

Давно уже жора!!!»

Так тяжело было сибирякам расставаться с нами, с которыми они все время делили и радость и горе.

Разукрашенный весь красными знаменами и цветами, наш поезд мчится в Россию.

По дороге прибавляются новые и новые партии освобожденных политических.

На ст. Ачинск к нам присоединилась бабушка русской революции Брешко-Брешковская.

Каждая остановка, каждая станция—для нас и восторг и страшное мучение.

Встречали делегации, которые отцепляли наши вагоны и на несколько дней оставляли нас.

У всех болят горла...

Я даже кровью стал харкать...

Так много пришлось «митинговать» по дороге...

Июffe был нашим «придворным» лекарем.

Смазывая горла, давал лекарства и т. д.

Но вскоре и у него самого разболелось горло, т. к. после больных тварищей ему пришлось выступать на станциях при встречах делегаций.

В Красноярске мы застали большой митинг, на котором выступили также представители нашего поезда. Это был праздник революции.

Многотысячная толпа...

Целый лес красных знамен...

Пламенные речи ораторов...

Клятва о защите революции, о продолжении борьбы за пролетарское дело, об углублении завоеваний Великой Революции...

Как красив и грандиозен был этот митинг...

Как сказочно-очаровательно было все это!...

В Красноярске к нам присоединяется еще партия освобожденных ссыльных и на другой день мы едем дальше...

В Ново-Николаевске к нам присоединяется Н. Рожков.

С каким восторгом мы встречаем знакомых товарищей, рассеянных по необъятной Сибири!...

Тяжело было вспомнить, что среди нас не было многих дорогих товарищей... Их унесла в могилу преждевременная смерть...

Каторга, Сибирь разбила их здоровье и они погибли, не дождавшись светлых дней...

Но когда встречали уцелевших товарищей, перенесших на своих плечах муки царского режима, но еще бодро смотревших на будущее, мы забывали тяжелые дни каторги и ссылки с их жертвами и с полной надеждой смотрели вперед:—Освобожденные орлы революции, закаленные в борьбе борцы сумеют понять задачи революции и защитить ее свою грудью...

Среди нас не было тогда ни «Иудея, ни Еллина»...

Великие события как-то сгладили все резкости, все партийные разногласия...

И как дружная, единая семья, мы стремились в Россию принести и свою лепту на алтарь революции...

В Екатеринбурге мы застаем большой митинг...

Просят остаться на несколько дней...

Мы остались там, кажется сутки.

На другой день мы опять двинулись в путь—дорогу, оставив им Брешко-Брешковскую, которая вообще имела большое желание по несколько дней гостить во всех крупных пунктах.

Вот и Россия!...

Вот центр революции!...

Нас окружают, нас ласкают...

Разбиты цепи рабства...

Свободно развеваются красные знамена...

Торжествует освобожденный народ великие дни!...

Сколько поэзии, сколько поэтического упоения во всем этом!...

Торжествует и природа!...

Весеннее солнце щедро посылает свои лучи освобожденной от ледяного покрова земле...

И семья освобожденных ссыльных разбрелась по разным уголкам революционной России, внося свою лепту в дело революции.

И за эти годы борьбы на фронтах революции нам некогда было вспомнить нашу старую, дружную семью, хотя память о ней у каждого из нас теплится в глубине сердца.

А. Рухадзе.

„Мтавробадзе скончался“.

(Отрывок из воспоминания бывш. политического каторжанина).

I.

Каторга, ссылка—вот путь, по которому шли борцы за освобождение рабочего класса от ига самодержавия.

Сколько юных сил схоронено в далекой Сибири!

Но ни у одного истинного революционера не вырывалось из уст сожаление о потерянной молодой, полной энергии и энтузиазма, жизни.

Ждали лучших дней.

Путь ожидания был длинен—как длинна была безконечная дорога необъятной широкой Сибири.

Ждали.

Война уносила много жизней. Царская Россия везде набирала «пушечное мясо».

И нам—ссылным—предлагали поступить в ряды войск, за что обещали разные льготы.

Мы судили, рядили и большинство решительно отказалось принять участие в братоубийственной, империалистической войне.

Отказались от всяких льгот, от лживых обещаний.

II

Милая Сибирь! Славный Иркутск! Милая, кристаллически-чистая, неугомонная, холодная Ангара!

Она почти кольцом окружает Иркутск, как будто душит его в своих объятиях.

Вот Звездочка за Ангарой, где часто мы—ссылные—устраивали ликники. Тут мы—несколько товарищей—собирали военных местного гарнизона и вели среди них пропаганду. У меня—как бывшего военного—было несколько учеников из Верхне-Удинска и Иркутска, готовившихся на чин прапорщика. Они служили в местном гарнизоне. Среди них и через них—у нас была связь с войсковыми частями.

Вот прапорщики—бывшие реалисты Ферибок, Саша Наумов, Коля Похалков.

«Товарищи! Война войне!... Имейте в виду, что мы стоим на пороге новой жизни, революции! Вы должны быть вместе с народом, вместе с нами, с революционерами!»...

Есть, идет!—улыбаясь, бодро отвечал Коля Похалков.

— «Ну, да! О чем тут разговор!»—басом соглашался Саша Наумов.

III.

1917 год. Февраль на исходе. Необычайное движение по улицам Иркутска. Ссылная братия постепенно вылезает из подполья...

Собираемся, обсуждаем...

Там в Петрограде—левая часть Государственной думы—социал-демократы, трудовики—большо смело, громко говорят... Очевидно, мы скоро получим ответственное министерство... Скоро мы все раз'едемся по домам и... опять начнется новая, полная борьбы, жизнь... Может быть никого из родных не застанем живыми?! А что стало с друзьями? Изменили идее, омещанились?!.. Изменила ли она—подруга жизни?!... или... или... как знать!

Думы, надежды, ожидания, душевное волнение—все вместе перепутано, смешано...

IV.

Третье марта. Из Усолья в Иркутск приехал Ир. Церетели. Из Питера от Карла Чхеидзе получена депеша на имя Церетели. Депеша гласит:

«Мтавробадзе скончался», т. е. правительство скончалось, рухнуло самодержавие... Порвались цепи рабства... В России Временное Правительство... Николая второго народ заставил отречься от престола... Корона самодержавия свалилась на землю.

Новая молодая жизнь бушует, волны революции грохочут, катятся...

Сразу все повеселело...

Сегодня в Иркутской Городской Управе назначено первое заседание исполнительного комитета общественных организаций.

Вечером прибыли на площадь с оркестром воинские части местного гарнизона. На штыках у солдат красные значки... Красные знамена с надписями «Да здравствует Революция! Да здравствует народная власть!»

Тут пехота, кавалерия, артиллерия, тут же юнкера военного училища... Делегаты: солдаты и офицера входят в зал заседания.

На собрании председательствует т. Церетели.

«Товарищ председатель, пришли делегаты от Войсковых частей»!

Звонок. Тишина.—«Товарищи!»—начинает один из делегатов, «мы делегаты, присланные от Иркутского гарнизона, пришли сюда, чтобы приветствовать вас и предложить свои услуги... Защищать революцию... Приветствуем вас, истинных представителей народа... Привет Вам»!

— «Товарищи»—начинает т. Церетели—мы всегда надея-

лись на Иркутский гарнизон... мы всегда надеялись на рабочих и крестьян, на вас, переодетых в серых солдатских шинелях... К происходящим событиям надо отнестись вдумчиво... враги революции, прислужники самодержавия, будут стараться посеять рознь между вами.

Провокаторы всеми силами будут стараться взбаломутить воду и нанести смертельный удар в спину... вы, воины народные, дети революции, будьте осторожны... и мы надеемся, что при первом зове, при первой необходимости, когда мы обратимся к вам— вы будете защищать интересы революции и новую революционную власть...

Ура Иркутскому гарнизону!... Да здравствует революция!...

Приблизительно с такими словами обратился т. Церетели к представителям Иркутского гарнизона... На площади играет оркестр. Весь зал стоит и приветствует делегатов...

— Иркутский гарнизон, говорит один из делегатов, просит сегодняшней ночью выставить караул в Городской Управе для охраны Революционного Комитета если разрешите... если нужно...

Снова восторг...

Заседание продолжается...

Новая Революционная власть сконструирована...

По постановлению революционной власти тов. Гольдман арестовывает командующего войсками Иркутск. Военн. Округа ген. Шкинского.

Тов. В. Чхиквишвили—Иркут. генерал-губернатора Пильца.

Начальником охраны г. Иркутска назначается т. Роговский...

В театрах, кинематографах митинги, речи, революционные песни...

«Отречемся от старого мира».

Приспешники самодержавия припрятались...

Сияющие лица, радостные, товарищеские поцелуи, объятия...

Все мы братья...

Весна, весна новой обновленной жизни!...

Как хорошо!...

«Мтаврбадзе скончался!»

Д. Карцивадзе.

1-го марта 1922 года.

г. Тифлис.

У С Т А В

Российского общества бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

(Утвержден общим собранием в Москве 21 марта 1921 года).

I. Цели и задачи общества.

Общество ставит своей целью объединение бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

Для этого общество

а) Принимает меры к собиранию, сохранению, разработке и опубликованию материалов, касающихся жизни, быта каторги и ссылки в дни царского режима, а именно имеющих общественное значение мемуаров, записок, дневников, писем, тюремных документов, снимков, рисунков, статей, стихотворений и пр.

б) Оказывает товарищескую взаимопомощь, организует клубы, читальни, музеи, библиотеки, а также санаторий, дома отдыха, столовые; артели, мастерские и т. д.

в) Организует увековечение в той или иной форме памяти погибших товарищей.

г) оказывает помощь семьям погибших товарищей.

II. Состав общества.

2. В о-во входят все товарищи, осужденные за политическую деятельность;

а) на каторгу, б) в ссылку на поселение.

3. Прием членов производится Советом по письменной рекомендации двух членов о-ва.

4. Не могут состоять членами о-ва подававшие прошение о помиловании или свершившие деяние, недопустимые в среде политических каторжан и ссыльных.

5. В сомнительных случаях или по требованию любой группы членов о-ва—Совет назначает комиссию для расследования дела о данном члене о-ва или кандидате.

6. На отказ о приеме—заинтересованные лица могут апеллировать к общему собранию через Совет.

7. Лица, оказавшие каторге и ссылке особые услуги, могут быть персонально, по предложению Совета и по постановлению общего собрания, зачислены в члены о-ва, хотя бы они и не были на каторге или в ссылке.

III. Управление делами общества.

8. Верховным органом о-ва является общее собрание членов его, выделяющее из своей среды исполнительный орган — Совет общества.

9. Общие собрания бывают очередные и чрезвычайные. Очередные собрания созываются не реже одного раза в 3 месяца.

10. Общее собрание утверждает годовой план действий, годовую смету расходов, избирает Совет, ревизионную комиссию и членов о-ва (согласно §), рассматривает отчет о деятельности Совета, разбирает жалобы на постановления и действия Совета, решает вопросы об исключении из членов о-ва, об изменении и дополнении устава, о прекращении деятельности о-ва, а также все другие вопросы, выходящие из круга ведения Совета.

11. Общие собрания действительны при наличности не менее $\frac{1}{3}$ части членов о-ва.

12. При неявке на собрание законного числа членов, Советом для разрешения тех же вопросов, созывается не позже недели новое собрание, которое считается действительным при всяком числе явившихся.

13. Все вопросы на общих собраниях решаются простым большинством, кроме вопросов об исключении членов, изменении устава и ликвидации о-ва, требующих $\frac{2}{3}$ голосов всех членов о-ва.

14. Чрезвычайные собрания созываются по инициативе Совета или ревизионной комиссии или по требованию $\frac{1}{5}$ членов о-ва.

15. День годовщины освобождения из каторги и ссылки 12 марта, ознаменовывается торжественным собранием членов общества.

16. Совет состоит из 9 человек, избираемых общим собранием на 1 год и 5 кандидатов к ним и находится в Москве.

17. Совет из своей среды избирает старосту, его заместителя, секретаря и казначея.

18. Совет руководит всеми текущими делами о-ва, является представителем его во всех сношениях с посторонними лицами и учреждениями, ведает всей перепиской от имени о-ва, принимает в состав его новых членов, заведует всеми суммами и учреждениями о-ва и представляет общему собранию отчет о своей деятельности, в случае надобности Совет организует вспомогательные комиссии из сведующих лиц.

19. О-во имеет свою печать.

20. Ревизионная комиссия избирается общим собранием,

в составе 3-х членов и 2-х кандидатов к ним для рассмотрения годового отчета Совета и для ревизии всей его деятельности.

IV. Средства общества.

21. Средства о-ва составляются: а) взносов, б) поступлений от учреждений и предприятий о-ва, в) пожертвований, субсидий и т. д.

22. Размер членского взноса определяется в 1000 р. в год.

V. Ликвидация общества.

23. Деятельность о-ва может быть прекращена по постановлению общего собрания специально созванного на сей предмет.

Цена 30,000 руб.

Р. В. Ц. № 298. Тираж 1000

Тифлис, 3-я тип. Полиграфического Отдела В. С. Н. Х.